

"Лит. газета" 1976
24 марта, №12

РАЗДУМЬЯ О ПОЭТЕ

В О ГЛАВЕ каждого из восьми разделов этой книги — строка есенинского стихотворения, словно эпиграф, определяющий главную мысль повествования. Восемь маленьких эссе — в них жизнь поэта, жизнь его сердца... Книга написана живо, взволнованно, образно. Небольшая по объему, но емкая, она рассчитана на самого широкого читателя и при этом рассказывает, избегая упрощений, о сложном, порой глубоко противоречивом, неповторимом мире поэта.

Обращаясь к любимым строкам великого поэта, С. Кошечкин то находит им отклик в стародавней русской поговорке, то сопоставляет их с певучей строкой народной песни, то вспоминает и месту о беседе с Александрой Александровной, сестрой поэта, о жизни в Константиново, то приводит стихи других поэтов, появившиеся одновременно с цитируемыми стихами Есенина... Глубинное постижение красоты родной природы, нежность и доброта, любовь ко всему живому, «раскованная раздольная песня о том, что прошло через сердце, что выношено и выстрада-но...» — все это Есенин...

Влюбленность автора в поэзию Есенина пронизывает всю книгу. В проникновенных раздумьях над стихами поэта — эрудиция, пристальное внимание к особенностям времени и литературного процесса тех лет, широта взгляда автора на путь Есенина. Порой С. Кошечкин готов поспорить: в частности, он опровергает — и, по-моему, убедительно! — точку зрения П. Юшина («Сергей Есенин», 1969) о перенасыщенности образами монологов трагедии «Пугачев». Приподнятость речевого строя, «сгущенная» образность в этом произведении С. Есенина глубоко органичны, слиты с общим замыслом вещи.

«В той стране, где власть Советов, не пишут старым языком», — словно декларирует сам Есенин необходимость постоянных поисков новых средств художественной выразительности. Есенинская цветопись («буйство глаз!»), поразительная смелость в обращении со словом, рожденная глубоким чувством языка, дерзновенная образность («светил тонкоклювых свист» — таких изумительных строк у Есенина несчетно!) — на всем этом печать огромного таланта, полного свежести, музыки, новизны.

Давно отринуты наивные легенды о «внутреннем» даре поэта, о «беспечном» есенинском таланте. Нет, не только буйное «половодье чувств» — напряженная работа мысли («...в основу кладу содержание, поэтическое мироощущение», — говорил Есенин), постоянное, нарастающее приобщение к знаниям, глубокие раздумья над прошлым отчего края и властными закономерностями сегодняшнего дня, ясное понимание высокой миссии поэта — вот истинный Есенин. А как знал он фольклор — русский и иноязычный! [Поистине поразили приятеля, неожиданного, назидать прочитав руну «Калевалы»!] Отечественных классиков не только читал — изучал! («Изучаю Гоголя», — говорил он Н. Полетаеву.) Выкал всем существом в пушкинские строки. Хорошо знал, углубленно анализировал А. Кольцова, А. К. Толстого. Встречался с М. Горьким и А. Блоком. Постоянно общался с большим кругом современных поэтов и прозаиков. Высоко чтит великого Шекспира, Лонгфелло. Читал в переводах Верлена, Рембо. Был заинтересован не только Левитаном и Полновым, но и Пикассо. С волнением говорил о великих произведениях мирового искусства, «которые выпукло светят на протяжении долгого ряда веков».

«В окружении эрудитных томов», — как говорила одна из современниц поэта, — писался «Пугачев». С. Кошечкин увлеченно рассказывает об изучении С. Есениным литературных, фольклорных, исторических материалов для трагедии, над которыми поэт работал не один год. Столь же упорно, взыскательно работал он над стихом: число вариантов примерно вчетверо превышает окончательный объем трагедии!

«До последнего издыхания работай! Добра желаю!» — говорил он другу-поэту. «Где твоя работа!» — гневно спрашивал другого... «В поэзии, как на войне, надо кровь проливать!» — обращался к третьему. И это «беспечный» талант!

Не только народные истоки, пишет С. Кошечкин, — пушкинское, блоковское начало в основе есенинского творчества. «Всемирная отзывчивость» Пушкина находит неожиданный отклик в есенинских строках из «Ключей Марии» о будущих днях, где «время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы...». Блоковское «Нам внятно все...» подтверждено завораживающей лирикой «Персидских мотивов», в которых, по выражению С. Кошечкина, «воедино слились «лирическое чувствование» русского поэта и дух поэзии восточных классиков. Как ветер с цветочного луга — все запахи смешались в один тонкий и неповторимый».

Сквозь строки стихов светит яркий ум поэта. Мысль пронизывает мир его лирических и эпических произведений. Поэту открыто время, ему дано понимание исторического пути устремленной в будущее «стальной» России. И пусть его личная судьба трагична и противоречива, он остается певцом и гражданином «в великих штатах СССР». За всем этим властное, всепоглощающее чувство Родины.

«Есенинская любовь к родной земле естественна, как дыхание. Она — свет, который изнутри освещает почти каждое его стихотворение в отдельности и всю его поэзию в целом. Это не просто чувство — это философия жизни, краеугольный камень его миропонимания». Строй книги С. Кошечкина, «почерк» автора, лирическая интонация повествования органически отвечают и замыслу ее, и содержанию.

Яков БЕЛИНСКИЙ